
Е. М. ЮХИМЕНКО

«Учитель премудрый, наставник всеизрядный»

(к 70-летию Натальи Владимировны Поньрко)

Начало научной биографии Натальи Владимировны Поньрко связано с Выговской литературной школой, особой страницей русской литературы. Среди обширного творческого наследия выговских писателей сохранилось Слово на Рождество Христово, написанное учеником Семена Денисова Алексеем Иродионовым. «...Всякий человек, — говорит в нем выговский автор, — имеет свою путеводную звезду, наставляющую его ко Христу: или учителя некоего премудраго, или наставника добраго, или советника некоего благаго, или собеседника, от Бога посланного, от негоже может познать истину».¹

Такой путеводной звездой для многих ее коллег стала Наталья Владимировна Поньрко. Ее обширные знания, тонкое чутье и обаяние указали многим их собственную научную дорогу.

Учителями самой Натальи Владимировны были два крупнейших ученых нашего времени — Дмитрий Сергеевич Лихачев и Николай Николаевич Покровский. Это высокое наставничество, соединение двух школ — исторической и литературоведческой, — помноженное на таланты и трудолюбие ученицы, дало благотворные результаты.

Наталья Владимировна училась в Новосибирском государственном университете в годы становления и расцвета знаменитого Академгородка, подлинного оазиса отечественной науки того времени. Тесное соседство всех наук — технических и гуманитарных — на небольшой территории, отвоєванной у сибирской тайги, в 30 км от Новосибирска; мощная государственная поддержка фундаментальной науки, атмосфера творческой свободы, дискуссий и даже романтизма создавали ту питательную среду, в которой сформировались поколения ученых и родились многие открытия и достижения отечественной науки.

¹ РГБ, собр. Барсова. № 592, л. 5. Составляя новую редакцию этого Слова для Поморского Торжественника, выговский книжник развил темы «учителя премудраго», «наставника всеизряднаго» и «собесѣдника благодатнаго» (ГИМ, собр. Хлудова. № 274, л. 111–112).

Наталья Владимировна слушала лекции академиков М. Н. Тихомирова, А. П. Окладникова, А. Я. Гуревича, М. М. Громько и только что перебравшегося в Новосибирск Н. Н. Покровского. В то время Гуманитарный факультет, включавший отделение истории, на котором училась Наталья Владимировна, был тесно связан с Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук, и лучшие выпускники имели возможность продолжить свои занятия.

В 1960-е гг. началось археографическое освоение Сибири и связанное с ним изучение старообрядчества, его письменного наследия и духовных связей. Первая самостоятельная археографическая экспедиция на Подкаменную Тунгуску (правый приток Енисея, Красноярский край) в 1968 г. открыла студентке 5-го курса красоту подлинных народных характеров и живое существование древнерусских церковных и литературных традиций. Так учат ребенка плавать, бросая его в воду и оставляя один на один со стихией, которая с каждым пока неумелым барахтанием теряет свою «чуждость» и становится понятной и близкой. Месяц, проведенный в таежном поселке, позволил начинающей исследовательнице ощутить глубину исторической памяти, дал ей понимание того, что история наполнена конкретным, «человеческим» содержанием, что как бы далеко не отстояли от нас события и письменные памятники, они вполне объяснимы характерами людей, их поступками и мыслями. Старообрядческие устои, молитвенный обиход и книжная культура заброшенной на край земли деревни не могли не произвести сильного впечатления на человека, занимающегося древнерусской литературой.

Сколько глубоки и жизненно важны были эти впечатления, видно из недавно написанного Натальей Владимировной эссе «Моя первая археографическая экспедиция»,² посвященного памяти Николая Николаевича Покровского. Кажется, что этот небольшой художественный текст создан «по горячим следам»:

Под вечер в какой-нибудь из изб ярче других горит окно и печь натоплена жарче. Три-четыре бабы собрались за столом, медленно пустеет жбанчик с бражкой, лениво идет беседа. Изредка затянут песню. И оживут вдруг прекрасные, отработанные в веках строки: «Кому повем печаль мою».

Оживут они для меня, читавшей их в старых рукописях, — «литературный памятник» на глазах превращается в живую песню. На таких посиделках можно услышать полный репертуар рукописных сборников духовных стихов, известных в списках XVII—XIX веков.³

Пребравшись в 1970 г. в Ленинград — город, который мальчик в той самой старообрядческой деревне называл «Виноград», — Наталья Владимировна оказалась в другом оазисе — Секторе древнерусской литературы, центром которого был Дмитрий Сергеевич Лихачев. «Планета Лихачева» (не только названное в честь ученого небесное тело, но он сам как по-настоящему выдающееся явление нашего времени) окончательно сформиро-

² *Поньрко Н.* Моя первая археографическая экспедиция // Текст и традиция: Альманах. СПб., 2014. Т. 2. С. 286—293.

³ Там же. С. 289.

вала научные принципы и гражданскую позицию молодого исследователя: Наталья Владимировна стала последней прямой ученицей Дмитрия Сергеевича.

Как позже вспоминала Наталья Владимировна,⁴ для нее «лучшей научной школой были заседания Сектора, наши знаменитые среды»:

Дмитрий Сергеевич неизменно председательствовал на этих заседаниях. И вот что происходило: самой большой школой было не слушание докладов — хотя уже одно это расширяло научный кругозор и давало пищу для ума, — самой большой школой была разворачивавшаяся вокруг доклада научная дискуссия и то, как вел ее Дмитрий Сергеевич, но более всего — завершающее дискуссию выступление самого Дмитрия Сергеевича.

Уже одно то, как протягивал он свою руку, приглашая докладчика взойти на кафедру, какими словами представлял его аудитории, с каким выражением лица слушал выступавшего, — одно это воспитывало своим благородством, давало ощущение присутствия в отдельном, несоветском мире.⁵

Практической школой для Натальи Владимировны стало участие в коллективной монографии Д. С. Лихачева и А. М. Панченко «Смеховой мир Древней Руси» (Л., 1976): в первом издании она выступила в качестве публикатора новонайденных текстов, а во втором — уже в качестве полноправного соавтора.⁶

Еще одним учителем Натальи Владимировны явился Владимир Иванович Малышев, вдохновитель многочисленных археографических экспедиций 60–70-х гг., создатель Древлехранилища Пушкинского Дома. В 1970-х гг. Наталья Владимировна продолжила свои «путешествия за редкими книгами»: она побывала в полевых экспедициях в Беломорье, Вологодской области и Гомеле (Белоруссия). Ее отчеты о поездках, опубликованные в Трудах Отдела древнерусской литературы,⁷ просты и задушевы. Несмотря на краткость, в них есть все: и информация об истории и книжности обследованного региона, и описание маршрута и найденных рукописей, но главное — в них есть благодарность людям — помощникам и дарителям, которые, несомненно, откликнулись на искреннее к себе отношение. Приведем лишь один фрагмент из ее экспедиционных отчетов:

Зоя Ивановна Девятковская помогала мне при поисках книг в деревнях Заборья. Восьмидесятилетняя старушка неумоимо путешествовала вместе со мной, рекомендуя меня своим друзьям-старообрядцам.

⁴ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Отв. ред., сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 2002. С. 101–105.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

⁷ Поньрко Н. В. Поездка за рукописями в Беломорье летом 1971 г. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 410–411; Каган-Тарковская М. Д., Поньрко Н. В. Поиски рукописей в Вологодской области // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 361–362; Поньрко Н. В. 1) Экспедиция 1974 г. в Тарногский район Вологодской области // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 368–370; 2) Находки в Тарногском районе Вологодской области // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 370–371; 3) Археографическая командировка в Гомель // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 420–421.

В деревнях Тюребери — так называется гнездо деревень, одна из которых была родиной Ф. А. Каликина, — главной моей помощницей была Мария Всеволодовна Силянская. Большинство рукописей приобретены мною здесь благодаря ее заботам и советам.⁸

Теплом воспоминаний об этих местах проникнута и статья Натальи Владимировны о Ф. А. Каликине, в которой тарногский крестьянин-старобрядец, впоследствии известный собиратель и реставратор, представлен в своей главной ипостаси — живого носителя древнерусской культуры.⁹

Старообрядческая тема для Натальи Владимировны не была случайна. Благодаря ее экспедиционному опыту и природной «источниковедческой жилке» и при наличии в северной столице таких замечательных рукописных собраний, как коллекции В. Г. Дружинина и Ф. А. Каликина, региональных коллекций Пушкинского Дома и Библиотеки Академии наук, фондов Публичной библиотеки, ей просто невозможно было не обратиться к изучению творчества выговских писателей. Наталья Владимировна стала первооткрывателем Выговской литературной школы; ее статьи и диссертация (1979) появились спустя семь десятилетий после единственной предшествовавшей ей работы В. Г. Дружинина.¹⁰

В результате этого исследования литература Выговского общежителства предстала как явление, занимающее вполне определенное место в русской литературе, как школа, имевшая свои эстетические принципы, стилистику, набор жанров, систему обучения. Наряду с всесторонним анализом конкретных групп памятников — учебников риторики, эпидейктических слов, агиографии и стихотворства — в работе были сделаны важные теоретические выводы: Выговская школа теперь предстала одновременно закономерным этапом развития древнерусской литературы, особой страницей литературы Нового времени и единственной регулярной школой в старообрядческой литературе XVIII в.¹¹

Наталья Владимировна удивительным образом умеет проникать в суть вещей и явлений. Пример, относящийся к выговской словесности, связанной с заключением Семена Денисова в Новгороде в 1713—1717 гг., в этом смысле наиболее показателен. Круг этих сочинений был известен в литературе, однако лишь недавно, благодаря ее безукоризненному филологическому анализу этот, казалось бы, почти рядовой эпизод был осмыслен как поворотный в истории самого общежителства.¹²

Старообрядческая тема проходит красной нитью через все научное творчество Натальи Владимировны. При этом стоит отметить главную особен-

⁸ *Поньрко Н. В.* Находки в Тарногском районе Вологодской области // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 371.

⁹ *Поньрко Н. В.* Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 446—451.

¹⁰ *Дружинин В. Г.* Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

¹¹ *Поньрко Н. В.* Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

¹² *Поньрко Н. В.* Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе: Сб., посвящ. 80-летию акад. Д. С. Лихачева. Л., 1987. С. 297—303.

ность ее научного стиля: каждая ее статья, каждое ее исследование посвящено ключевой для науки теме, носит абсолютно законченный характер, является единственной на данную тему и ни в коей мере не повторяет предшествующих. Таковы ее исследования о дьяконе Федоре, соавторе протопопа Аввакума,¹³ о Житии протопопа Аввакума как духовном завещании,¹⁴ о кружке боголюбцев в Макариевом Желтоводском монастыре,¹⁵ об обстоятельствах стрелецкого возмущения в Москве и казни пустозерских узников,¹⁶ о «Розыске о раскольнической брынской вере» Дмитрия Ростовского.¹⁷

Эти работы имеют большое методологическое значение: они наглядно демонстрируют возможности литературоведческого источниковедения, которому будет посвящена докторская диссертация их автора. Скрупулезный анализ текста и изучение всех сопутствующих источников позволили Наталье Владимировне обосновать новую трактовку давно известных в науке произведений. Так, оказалось, что дьякон Федор вместе с протопопом Аввакумом принимал участие в составлении челобитной царю Алексею Михайловичу в 1669 г. и значительная часть так называемой Пятой челобитной протопопа Аввакума на самом деле написана дьяконом Федором. Была установлена сложная жанровая природа Жития протопопа Аввакума: впервые этот текст был осмыслен как духовное завещание, на что указывают традиционное для этого жанра исповедание веры в начале и просьба о прощении грехов в конце; «завещательный» характер автобиографии Аввакума, в 1669 г. ожидавшего смерти, почувствовал в свое время только старообрядческий писатель Семен Денисов. Архивная находка двух дел, касающихся сына протопопа Аввакума Афанасия, изучение как новых, так и ранее известных документов наконец пролили свет на непосредственный повод к пустозерской казни 1682 г. Она явилась следствием московского бунта 1681 г., во время которого в народе распространялись «грамотки» протопопа Аввакума с обличениями царя Алексея Михайловича и призывами марасть дегтем его гробницу в Архангельском соборе.

Принципиально новое осмысление важнейших для русской истории XVII в. проблем, связанных с преодолением последствий Смуты, движением боголюбцев и Расколом русской Церкви, дала Наталья Владимировна в большой статье 1990 г. В ней показано (и доказано), что не случайно местом духовного становления боголюбцев явился Макариево-Желтоводский монастырь, основатель которого — преподобный Макарий Желтоводский и Унженский — почитался покровителем нижегородского ополчения

¹³ *Поньрко Н. В.* Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 362—365.

¹⁴ *Поньрко Н. В.* Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—388.

¹⁵ *Поньрко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII века — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 58—69.

¹⁶ *Поньрко Н. В.* Новые материалы о протопопе Аввакуме: (Два «дела» мезенской воеводской канцелярии о сыне Аввакума Афанасии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 397—403.

¹⁷ *Поньрко Н. В.* Дмитрий Ростовский как автор «Розыска о раскольнической брынской вере» // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 34—42.

и пленников, в числе которых в Смутное время оказался и отец молодого царя Михаила Федоровича патриарх Филарет. Обновление Макариево-Желтоводского монастыря, превращение его в центр книжности и духовного просвещения приходится на 1620-е гг., когда здесь приняли постриг Павел (впоследствии епископ Коломенский) и Иларион (митрополит Рязанский), подвизались будущие деятели старообрядчества протопопы Аввакум Петров, Иван Неронов и их будущие противники, а в то время единомышленники, среди которых был и послушник Никита из близлежащего села Вельдеманово (впоследствии патриарх Никон). Боголюбцы не вели речи о церковной реформе, но все же, выдвигая программу нравственного оздоровления церковной жизни, оцерковления быта, возрождения проповеди, признавали необходимым изменить существующий порядок вещей.

Примером объективной оценки антистарообрядческого трактата Дмитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере» является недавняя статья Натальи Владимировны, опубликованная в 62-м томе «Трудов». Отдавая должное фундаментальному труду святителя по составлению «Книг житий святых», исследовательница справедливо отмечает, что за свою «обличительную» книгу святитель принял более по долгу службы (с 1702 г. он занимал Ростовскую кафедру), чем по внутренней необходимости. Не располагая достоверными источниками, питаясь слухами и кривотолками, имея смутные представления об адресате своего труда — «препростом народе», Дмитрий не мог рассчитывать на успех своей книги, которая, как показало время, действительно не имела исторической перспективы.

Отсутствие самоповторения, как того и требуют принципы школы академика Д. С. Лихачева, не означает, что изученные материалы не являются более предметом внутренних размышлений автора. Напротив, со временем они включались Натальей Владимировной в более широкий исторический контекст и приобретали тем самым новый смысл.

В 1994 г. в издательстве «Глаголь» ею были изданы Жития протопопа Аввакума, инока Епифания и боярыни Морозовой, которые она сопроводила тщательным научным комментарием.¹⁸ Публикацию обрамляли две принципиально важные статьи: «Протопоп Аввакум и историческая память» и «О том, кто был автором Жития боярыни Морозовой». (В последней было доказано авторство старшего брата опальной боярыни Федора Соковнина).

Спустя почти два десятилетия эти литературные памятники были заново ею проанализированы и прокомментированы.¹⁹ При этом новому поколению читателей был впервые представлен перевод Жития протопопа Аввакума на современный русский язык, выполненный с удивительным филологическим мастерством и духовным тактом.

Литературные достоинства произведений поборников древнего благочестия XVII—XVIII вв., изучаемых Натальей Владимировной, ученые уви-

¹⁸ *Поньрко Н. В.* Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой: Статьи, тексты, комментарии. СПб., 1993.

¹⁹ *Поньрко Н. В.* Три жития — три жизни: Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010.

дели сравнительно недавно, во второй половине XIX века. Изначально же они воспринимались лишь с точки зрения несоответствия этих памятников официальной идеологии. Затем, в XX в., в анализе этих сочинений преобладали литературоведческий и источниковедческий подходы. И только в конце этого столетия настало время осмыслить творческое наследие старообрядчества во всей полноте его исторических и духовных связей.

В этом отношении чрезвычайно важна вступительная статья Натальи Владимировны к 17-му тому «Библиотеки литературы Древней Руси» («Литература раннего старообрядчества как историческое свидетельство»)²⁰. В ней Наталья Владимировна ссылается на мысль В. П. Рябушинского о том, что церковная реформа середины XVII в. «расколола русских на два народа — каждый со своей культурой»; последующая история лишь усугубила этот разлом. «И только после 1917 года, — заключает исследовательница свои размышления, — в сознании русского интеллигента открылась возможность нового взгляда на личность боярыни Морозовой и в целом на эпохальный перелом, совершившийся в нашем обществе на рубеже XVII—XVIII веков. Свои мученики за веру и за попираемый человеческий образ, погибающие в лагерях ГУЛАГа, заставят представителей первой волны русской эмиграции вспомнить и понять мучеников XVII века. <...> Так через страдания были сделаны первые шаги на пути двух “народов” навстречу друг другу. И очень показательно, что этот путь лежит в пространстве русской литературы — осознанной неоспоримой ценности обоих “народов”».²¹

Трудно сказать, как исследователь и объект его исследования находят друг друга. Но существование какой-то близости, какой-то таинственной связи кажется мне несомненным. В 1970-е гг. Наталья Владимировна вместе с М. Д. Каган и М. В. Рождественской участвовала в описании сборников XV в. знаменитого кирилло-белозерского книжника-энциклопедиста Ефросина.²² Эта сложная работа дала Наталье Владимировне бесценный опыт и знания, которые использовались ею и в других работах, но к теме Ефросина она не обращалась вплоть до 2009 г., когда на выездном заседании Отдела древнерусской литературы в Кириллове сделала доклад о Ефросине как уставщике и литургисте.²³ Данный аспект деятельности Ефросина, впервые получивший доказательную базу и характеристику, близок автору в силу ее собственного интереса к организации и составу церковной службы, при этом надо понимать, что только практическое знание церковного устава позволили понять и объяснить те беглые пометы и краткие заметки, которые книжник делал для себя, готовясь к богослужению конкретного дня.

²⁰ *Поньрко Н. В.* Литература раннего старообрядчества как историческое свидетельство // БЛДР. Т. 17: XVII век. СПб., 2013. С. 5–12.

²¹ Там же. С. 11–12.

²² *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3–300.

²³ Оpubл.: *Поньрко Н. В.* Инок Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин как уставщик и литургист // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря / Редкол.: Н. В. Поньрко, С. А. Семячко. СПб., 2014. С. 103–113.

Стремление «увидеть прошлое через живую речь живших тогда авторов писем» двигало Натальей Владимировной при подготовке монографии «Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв.».²⁴ Такой подход предопределил содержание и аналитических статей, и комментариев, и стилистику переводов. Всего лишь десять памятников, но всесторонне и максимально проанализированные, они приоткрывают перед читателем завесу над бытием наших далеких предков.

Благодаря безупречному научному стилю, логике, ясности мысли и четкости структуры изложения, а также тому обстоятельству, что Наталья Владимировна в своих исследованиях умеет видеть загадки и их разгадывать, все ее работы читаются легко и увлекательно. В них часто звучит голос самих персонажей, которым автор «дает возможность» полноценно (без купюр и толкований) «высказаться» по сути проблемы.

В 1999 г. Наталья Владимировна, обобщив все свои работы, наблюдения и опыт, защитила докторскую диссертацию в форме доклада. Как всегда, ей удалось предельно ясно сформулировать смысл и значение источниковедческого подхода к изучению литературы Древней Руси:

Литературоведческое источниковедение принадлежит к тем разделам филологической науки, которые Д. С. Лихачев метко назвал основными. Чтобы ответить на весьма «узкий», порой, вопрос, относящийся к одному-единственному литературному памятнику, источниковед должен соединить в своем лице археографа, палеографа, текстолога, историка, лингвиста. Из таких «разнонаучных» интерпретаций отдельных памятников нашей литературы и рождается возможность строить историю науки и приходиться уже к вовсе не «узким» обобщениям и выводам. В каждом отдельном литературном памятнике запечатлено множество конкретных реалий его эпохи, литературных и культурно-исторических. Задача источниковеда — разглядеть их и тем самым создать возможность для дальнейших обобщений самого широкого масштаба.²⁵

Отдельное направление в творчестве Натальи Владимировны составляют литературные переводы древнерусских памятников. Они представлены и в вышеназванной монографии 1992 г., и в «Памятниках литературы Древней Руси», и в «Библиотеке литературы Древней Руси». Присущие переводчику тонкое чувство языка, умение слышать «внутренний голос» текста, различать оттенки и нюансы смысла делают эти средневековые сочинения доступными нашему современнику, притом, что почтительная дистанция между автором и читателем все же сохраняется. Основную часть переводов составляют произведения раннего периода (до XV в.), в силу своей древности сложные для перевода, но особого мастерства потребова-

²⁴ *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв.: Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992 (сер. «Литературные памятники»).

²⁵ *Поньрко Н. В.* Источниковедение литературы Древней Руси: Эпистолярное наследие XI—XIII вв., памятники рождественского и великопостного литургических циклов в народной культуре XVI—XVII вв., старообрядческая письменность XVII—XVIII вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. С. 1.

ли переводы двух поздних памятников: Жития протопопы Аввакума²⁶ — ввиду уже сформировавшейся в науке и обществе сакрализации его текста, и «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова²⁷ — из-за чрезвычайно пышной стилистики этого произведения, доходящей до высшей степени «плетения словес».

Наталья Владимировна принимала активное участие во всех коллективных работах Отдела древнерусской литературы. Много ее исследовательских статей вошло в «Словарь книжников и книжности Древней Руси», значительный корпус памятников подготовлен ею к публикации в «Памятниках литературы Древней Руси». В составе авторского коллектива этого знаменательного для своего времени 12-томного издания (1978—1994) Наталья Владимировна была удостоена Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 1993 г.

С 1997 г. эта серия, также «детище» Д. С. Лихачева, стала выходить в расширенном варианте под названием «Библиотека литературы Древней Руси» (20 томов; в 2014 г. из печати вышел 18-й том). С 1999 г., после смерти своего учителя, Наталья Владимировна, по сути, является практическим и единственным руководителем этого образцового академического проекта,²⁸ рассчитанного на широкого читателя, что позволит сделать древнерусскую литературу фактом современного культурного развития. Данное направление своей деятельности Наталья Владимировна расценивает как наиболее важное.

Так продолжают традиции школы Д. С. Лихачева (с 2004 г. Наталья Владимировна руководит Отделом древнерусской литературы): через коллективные труды («Библиотека литературы Древней Руси», «Труды Отдела древнерусской литературы», Агиографический проект), выездные заседания, научные конференции. Подлинным двигателем этих научных мероприятий не по долгу службы, а по зову души является Наталья Владимировна.

Естественное развитие школы происходит и через работу с молодыми исследователями и аспирантами. В этой сфере к Наталье Владимировне с полным правом — опираюсь на собственный опыт — можно отнести дефиницию выговского автора: «наставник всеизрядный». Научное руководство старой академической школы, воспринятое от Д. С. Лихачева, строгость, принципиальность и душевное участие хорошо известны ученикам Натальи Владимировны, причем не только тем, которые закончили у нее аспирантуру, но и многим другим, чьи статьи и книги она редактировала, чьи доклады и диссертации оппонировала.

Выговская литературная школа сформировалась вокруг личности Андрея Денисова, его трудами, примером и литературным наставничеством.

²⁶ Поньрко Н. В. Три жития — три жизни. С. 179—237.

²⁷ Семен Денисов. Истории об отцах и страдальцах Соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Поньрко, Е. М. Юхименко. М., 2002. С. 103—172.

²⁸ Тома 1—13 (1997—2005) вышли под редакцией Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко; с 14-го тома (2006) серия выходит под редакцией Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко.

Среди разнообразных жанров, культивировавшихся на Выгу, видное место занимали Слова на тезоименитство, представлявшие одно из преломлений традиции почитания основателей и настоятелей пустыни. Написанные по правилам риторики, эти панегирические сочинения вовсе не чужды искренности. Особенно теплым чувством окрашено сочинение, посвященное Андрею Денисову одним из его учеников, скрывающимся за инициалами «И. И.». Оно передает глубоко личное чувство уважения и любви к человеку и наставнику, благодарности за его труды и заботу. Занявший традиционную самоуничижительную позицию автор к общему гласу похвал и поздравлений присоединяет и свое пожелание. Его словами мы и закончим эту статью.

Буди здрав (трижды), благосчастен, многолѣтен, благополучен и долгожизненъ, всерадостен, богохранимъ, богопросвѣщаем, богонаучаем, богособлюдаем и с нами, твоими непотребными сиротами, неразлученъ всезравственнo здѣ на премножайшая лѣта.²⁹

²⁹ РНБ, О.XV.15, л. 80.